

Рафаэль ШУСТЕРОВИЧ

Рафаэль Шустерович родился под Москвой, жил, учился и работал в Саратове, с 1993 года в Израиле. По профессии инженер-физик. Поэт, переводчик стихов с английского и других языков. Публиковался в журналах «Крещатик», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Зарубежные записки». Автор «Волги» с 2010 года.

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (2020-2021)

вкратце

ночной зефир струит эфир
нет слишком растянулась строчка
блажен кто посетил сей мир
и точка

захлопни вовремя тетрадь
не требуй лишнего кусочка
нам не дано предугадать
и точка

о это чувство у черты
где прочее лишь оторочка
остановись мгновенье ты
и точка

блести во мгле кремнистый путь
как оскорбительна отсрочка
хотел воды я зачерпнуть
и точка

шумеры

Все умерли, особенно шумеры;
шумер шумел и умер – каламбур
не то чтобы годится в символ веры,
но характеризует город Ур

и ряд других. Шумер шумел и умер,
оставив клинопись и календарь,
и счет, и вес, но речи его зуммер
уже не слышен. Раб он или царь –

их всех навеки вынесли за скобки,
о чем и сообщают нам раскопки.

очки

если что и заслуживает внимания в мире Луки Джордано так это очки
среди невыразительных но помпезных заказных сцен мы то и дело
встретим

человека в очках

се человек

и се человек в очках на него взирающий

автопортрет юнца в очках

старика в них же

древний греческий философ в солидном пенсне достойном Струве
сороковых или Хомского шестидесятых

само имя неаполитанского младенца говорило

ты будешь художником

близорук не беда вот волшебный прибор ты сможешь видеть все
одновременно

зависть богов месть Несса Сусанну и старцев

первое пришествие посписочную смерть святых чуму в родном городе

лилии белоснежные на оплаченных поаршинно благовещенских полях

беспощадную очкастую сову в незаметном уголке разрушенного мира

Арахны

скелеты пьедесталы поезда

в раю Дельво

нагота защищает лучше тактического обмундирования

вы идете обращая взгляды исключительно внутрь себя

встречи бессмысленны сделки никчемны гармония иммунна к
искушениям

поезда из детства приходят и уходят пустыми

изошренные исследователи поднимают очки на лоб рассматривая
невидимое

дождь идет всю ночь бессонница снится счастливым

мрамор состоялся

товарняк отогнан на запасную ветку

идеальный город

– Париж – пустыня, – поет Виолетта.

– Особенно во время комендантского часа, – добавляет Бернар.

– Идеальный город – тот, где нет никого, – рассуждает Лучано, –
пропорция, симметрия, перспектива – вот что одухотворяет застроенные
пространства. Человек здесь не нужен.

– Граненая Вандомская площадь это подтверждает, – вторит Бернар, –
там в углу, за низкими воротами, укрылась моя академия, ее можно отыскать
только во тьме.

– Париж – пустыня, – поет Виолетта, – найду ли свою любовь?..

Бернар раздевает город глазами – до наготы камня, сланцевых витрин, костлявых деревьев; за стенами в одиночках лелеют люди свои букеты сухого чертополоха.

– Париж – пустыня, – поет Виолетта. Ночной дозор необъятных черных зонтов. Неразличимы голоса зрителей: мы еще вернемся.

занятия

Он называет это «род занятий»,
поскольку заниматься на роду
ему написано такого рода
занятиями: мол, своди слова
в роды, семейства, классы и домены,
в элиты, пары, в казусы случайных
объятий, в подозрительные братства,
в обители жеманных целомудрий,
в траншейные бои, в толпу базара,
не забывая: да, ты дал зарок
не говорить о тайне, ту же тайну
всчасно выставляя напоказ.

лавры

круглоголовые пошли в атаку
звезды сулят победный исход
скиталец движется на Итаку
доверяя теории скрещенных хорд

к Земле приближается астероид размером
с быка его огненные рога
готовы к крайним осенним мерам
против наглежащего врага

ангелы Десятого легиона
слажено грузятся на суда
очередная подруга Пигмалиона
добивается апелляционного суда

все сущее настроено на удачу
до последних микронов выведен лимб
голос улицы разъясняет задачу
примеряющим нанонимб

надписи

Федору Успенскому

они рискнули но не победили
потом опять рискнули победили
потом пошли отстаивать победу
в боях так диктовала справедливость
и логика рассчитанного риска
бессовестных отчаянных голов
потом пошли писать историю
руническими знаками где змеи
и волки направляют незаметно
порыв читателя
и голоса предметов
вещают я такой-то сделан тем-то
подарен отнят снова передарен
уложен в яму чтобы мир подземный
не забывал о сказанной победе
куда бы ни катился верхний мир

в режиме идеального времени

Комета-двуххвостка
заползает за плинтус горизонта
и продолжает движение
в загаженной темноте.

Котлы телескопов
все еще смотрят зорко:
те ли над нами,
или уже не те.

Что-то, заставляющее,
как кенигсбержца,
поднимать лицо подальше от городов,

Не помогает
биению сердца,
стоящему все больших трудов.

земляные пчелы

дождь смысл пчел
весь их город затоплен скрытый в песке
что-то пчелиный вождь не учел
в этом климатическом пояске
цивилизация похоронена забыта
тонкости искусства культуры быта
кулинария брачные церемонии
странности поведенческой гармонии
исчезли в одну нескладную ночь

атлантиде нечем помочь
мед знания мед любви
не распробованы
се ля ви

КОПИЯ

пиратская копия этой вселенной
запущена по холодку
там поят араком и водкой паленой
и в целом довольно куку

в левадах от наших отличные травки
безумна политика цен
но все ж внесены кой-какие поправки
и выжжен жестокости ген